

временной живописи находятся в полном соответствии с духом времени. Они обусловлены изменившейся ситуацией в мышлении, когда знание воспринимается как сумма сведений, а понимание связано не с переживанием, но с логикой построения фразы, независимо от смысла. Мы привыкли к искусству, созданному по инерции, как будто от скуки, когда художник коллекционирует образы, бесстрастно прищипывая их к поверхности изображения. Но, возможно, нас ожидает возврат к живописи, наполненной чувствами и не уподобленной наборной компьютерной картинке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пригов Дмитрий А. Прологомены неведомо к чему // ХЖ. 2001. № 36.
2. Клакхон К. Универсальные категории культуры // Личность. Культура. Общество. М., 2001. Т. 3. Вып. 2(8).
3. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М., 1983.
4. В поисках критической позиции (материалы круглого стола) // ХЖ. 2001. № 37/38.
5. Райхман Дж. Постмодернизм в Номиналистской Системе Координат // Флэш Арт. 1990. Май.
6. См.: Адлер А. О нервическом характере. СПб., 1997.
7. Юнг К. Г. Метаморфозы и символы либидо. М., 1994.

Наталья Павловна Дементьева

НОВОЕ ИСКУССТВО ТЮМЕНИ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Статья посвящена выставке молодых художников Тюмени «Non Fiction», состоявшейся в апреле-мае 2001 г.

В чем, в чем, но в отсутствии открытости тюменский художественный мир обвинить трудно. Юбилейные и неюбилейные выставки следуют одна за другой. Правда, чаще случаются юбилейные, посвященные очередному ... летию. В некоторые недели в залах Тюменского музея изобразительных искусств открывалось сразу по две-три выставки, причем очень разных и непохожих одна на другую. Если сюда прибавить еще дюжину художественных салонов, разбросанных по городу, в которых случаются свои события, более камерные, но отнюдь не менее интересные, то картина получится впечатляющая.

«Non Fiction» — выставка живописных и графических работ молодого поколения художников Тюмени. В этом ее особенность и притягательность, в некотором смысле объясняющие «выпендренность» девиза, хотя суть его проста и понятна без перевода. Она сводится к тому, что здесь собраны произведения, основанные на изображении конкретных, реальных предметов. Отсюда и второе название выставки — документально-поэтический реализм.

Термин «Non Fiction» возник в искусстве на рубеже 80–90-х гг. в книжной графике детских книг. Художники первыми почувствовали опасность, таящуюся в глобальной компьютеризации, когда человек отрывается от жизни и уходит в виртуальную реальность. Этому царству произвола и абстракции, всеохватного вымысла они противопоставили мир реальности. Именно тогда на Западе выходили огромных размеров детские книги с роскошными реалистичными иллюстрациями-картинами. Правда, маятник художественного процесса качнулся в противоположную сторону настолько, что дело дошло до инсталляции, то есть появления в произведениях настоящих, реальных предметов и даже живых людей. «Non Fiction» — это направление наиболее органичное и осмысленное.

«Тюменский курьер», опубликовавший снимок пустующих залов с комментарием «Народ безмолвствует», явно погорячился. Книга отзывов, заполненная пре-

имущественно предложениями с восклицательными знаками, свидетельствует об обратном. Нет, народ не безмолвствует, а самым эмоциональным образом реагирует на выставленное искусство. Правда, заметно, что слов ему не хватает, ну так и пишущая братия зачастую этим грешит.

Как ни странно, интерес к духовному у нас сохраняется. Кроме того, заметим попутно, что выставки как бы отбирают людей, происходит стратификация зрителя. Некоторые стремятся побывать на открытии, когда шумно и празднично, а иные предпочитают приходить в будни и бродить в одиночестве.

Выставка задумана и выстроена так, чтобы избранными авторами темами и жанрами представить то, как студенты и преподаватели Института дизайна (филиал Уральской архитектурно-художественной академии на базе отделения дизайна Тюменского колледжа искусств) отражают окружающий нас мир, решая целый спектр эстетических задач. В представленной живописи много дизайнерского. Это не удивительно — в Тюмени создана своя сильная школа дизайна и от его влияния, видимо, не уйти. Но в целом работы профессиональные, настоящие, в законченных формах и идеях. Сохраняется, к счастью, и разнообразие манер, значит, прокрустово ложе школы не довлеет.

Невольно возникает аналогия с выставкой уже почти десятилетней давности «Новое искусство Тюмени». Корректно ли их сравнивать? На той демонстрировалось порядка пятисот работ, на этой — порядка сотни, да и дизайна здесь нет. В одном они репрезентативны: и та, и другая рисуют картину жизни, увиденную глазами молодых. Правда, тогда были показаны работы большей частью ученические, школярские, хотя искренние и яркие. За прошедшие несколько лет произошел как бы качественный скачок: новые вещи — другие по интеллекту.

Здесь уместно вспомнить Ю. Назарова, президента Союза дизайнеров России, который в журнале «Архитектура. Строительство. Дизайн» (№6. 2000) написал: «Долгие годы культурной изоляции выработали у тюменских художников устойчивый «синдром моллюска», хотя уникальную тюменскую школу знает и ценит вся страна. Чтобы стать полноценной частью общей российской культуры, тюменцам предстоит полностью раскрыться навстречу «реальной» жизни».

Каждая работа на выставке — образец чего-то удивительного, неожиданного в давно известном и знакомом. Фантазии авторов преобразуют обычные предметы — кофемолки, пишущие машинки, часы, живую и неживую натуру так, что они предстают перед нами своей новой сутью. Понять все это — значит понять какие-то стороны искусства наступив-

☞ Мастер 3 степени посвящения
ордена Серебряная Звезда

Карл Фишер

3. С нами происходит: агрессия со стороны христианской религии, массовое отступление и вышибание мозгов, «Райская жизнь» в свальном гомосексуальном блюде, пьянстве и бездуховности. Христианство, как и любая устоявшаяся религия, есть одна из форм проявления догмы, то есть остановившегося в своем развитии, подверженного стагнации учения, единственным предназначением которого является поддержание общества в уравновешенном состоянии покорности. В обмен на свободу совести и мысли религия предлагает средне-статистическому «колбасному любителю» ощущение умственного комфорта и спокойствия, обещание райских кущ в абстрактном царствии небесном, аусвайсом в которое будет расписка в отречении любви к себе и окружающим в пользу идеального бога. Противоречащие друг другу описания «святых» и апостолов — бессовестный плагиат из мифологий других народов, оскорбительно называемых «во языцах», сомнительного толка чудеса и порожденные больным воображением «откровения», исполненная садистскими и извращенческими подробностями история «богоизбранного народа», почему-то преподносимая нам как история всего человечества — вот и все «благие вести», принесенные христианством в мир. ☞

шего века. Сразу можно сказать, что реализм, который оно несет, совсем иного свойства, чем тот, к которому мы привыкли. Он и документально-поэтический, как заявлено в пресс-листе выставки, и образно-метафорический, и индивидуальный для каждого автора в отдельности.

«Non Fiction», как и любая другая выставка, рассчитана на диалог. Но здесь этот посыл чувствуется сильнее. Большая часть работ приковывает к себе внимание остротой видения, но в то же время поражает какой-то беспристрастностью, отсутствием контекста. Бремя его создания как бы изначально ложится на зрителя. Характерно в этом смысле большое полотно Марины Сидоренко «Тыквы» (холст, масло) – крупные, какие-то голубые. Вряд ли это просто натура или только натура. Здесь есть хороший эмоциональный заряд. Не случайно кто-то написал, что «на «Тыквах» отдохнул душой».

По значению смысловой нагрузки выделяются две работы, о которых можно писать с некоторым сопоставлением. Это «Письменность» (смешанная техника) Елены Берестовой и «Generation-2000» (холст, масло) Марины Лебедевой. Традиция и современность, глубь веков и поколение пепси, цветовая сдержанность и яркие краски – так они решены. На одной в центре изображен русский алфавит, а на другой – портрет девушки с неким английским текстом в качестве, пожалуй, необходимого «атрибута» сегодняшнего молодого поколения. Некоторые другие работы тоже включают слово в свою ткань. Это авангардный момент, и связан он с тем, что пока слово не потеряло своей ценности и молодые как бы уравнивают его с визуальным рядом.

На выставке представлено достаточно много портретов. В строгом смысле это портреты-композиции. Конечно же, молодые авторы пишут преимущественно своих подруг и друзей, поэтому лица на зрителя смотрят юные – «Кира» Татьяны Шевелевой, «Вика» Натальи Черкашиной, «Ленка» Елены Берестовой, «Лиза» Елены Артемовой, «Портрет Иры» Ольги Корминой, «Портрет Юли» Ирины Латыповой, «Портрет Т. Мясниковой» Елены Котляр, «Автопортрет» Юрия Казанцева. Эти лица красивы, чисты, открыты, но... больше ничего при всем желании не скажешь. Нет и намека (или он очень глубоко спрятан?) на образ жизни, мысли и, если позволено, души милых девушек и юношей. Пожалуй, так выражается этическая установка нашего времени, распространенная среди молодежи, – не лезть в чужую жизнь. Можно увидеть в этом и некоторую закрытость, обособленность.

В этом плане хорошее впечатление оставляет портрет под названием «Шарапов» (холст, масло) Вадима Оселкова. По сути, прописана только голова. Лицо создано прихотливой мозаикой цвета и геометрических фигур. Преобладание какого-то восточного, южного колора как бы выявляет и указывает на восточное происхождение персонажа. Но некий силуэт земного шара (вариант портрета) дает основание причислять этого Шарапова тем не менее к гражданам мира, а не отдельной точки Земли.

Некоторые работы, представленные на выставке (Ольги Новоселовой, Евгении Прокудиной, Юлии Новик), даже при расширительном толковании реализма к нему не причислить. Это нечто, навеянное богатым воображением незаштампованного сознания, и в некоторой степени внешний подход к вещам. Ясно только, что здесь применен иной язык, и для его понимания требуются другие средства. Поймут ли в данном случае друг друга автор и зритель, покажет время. К счастью, оно у молодых есть.

Художники демонстрируют некоторый спектр «стратегических» подходов к отображению и воспроизведению реальных, воображаемых или сохраненных памятью предметов. Для этого они привлекают холст и бумагу, масло и карандаш, а также компьютер.

Компьютерная графика Александра Прудникова и Андрея Ердякова и открывает выставку, и завершает ее. Начав с нее осмотр и пройдя еще два зала, ты неминуемо с ней снова встречаешься при выходе. Но она заслуживает того — работы многозначные, многослойные, вызывающие множество ассоциаций. Их тема объединяется в слова «Время. Пространство. Движение» и решается на основе видов Тюмени. Авторы как бы предлагают нам такие варианты сочетаний и сопоставлений — старая Тюмень и Пизанская башня, Тюмень и минарет (это у А. Прудникова), Тюмень и Эйнштейн (у А. Ердякова).

Все эти вещи по-своему живописны, отличаются вниманием и трепетным отношением к детали. Они вводят знакомые Тюмени художественные знаки — деревянную резьбу, архитектуру и т. д. — в европейский обиход, и зритель невольно отмечает, как органично это соседство. Авторское осмысление родины как части мировой среды, пожалуй, демонстрируется нам впервые. С одной стороны, как бы раздвигаются провинциальные рамки, с другой — налицо зримая связь с жизнью именно в этой географической точке. Намеренно употреблено здесь это слово — жизнь, ибо Тюмень присутствует на картинах не только в виде наличников или зданий, но на них можно рассмотреть также тюменские деревья, листья и самих тюменцев.

Интересные метафоры для передачи «Времени и пространства» (холст, масло) найдены А. Ердяковым. На картине «Время» изображены старые книги, циферблаты часов, облетевшая роза в стакане и запечатленная на картинке... Холст «Пространство» — это, пожалуй, автопортрет. В руках героя, в его прихотливо изогнутых ладонях — пустота.

Остается в памяти и работа А. Прудникова «Мой дом» (бумага, тушь) с падающими крестами на родительских могилах и топящейся буржуйкой, символизирующей однозначно вечность и непреходящую значимость дома, очага, родины. Правда, как можно судить, бытие представляется автору излишне скромным, даже аскетичным. Это очаг, и только. Что ж, был бы очаг, скажем мы, остальное, даст Бог, приложится.

За окнами залов, в которых была развернута выставка «Non Fiction», буйствовала весна, продолжалась жизнь. На картинах остался запечатленным только небольшой ее отрезок.

Владимир Борисович Медведев

РАДИКАЛЬНАЯ ФИЛОЛОГИЯ ВАЛЕРИЯ КОЧНЕВА

Писать о современности гораздо труднее, чем о вещах, которые имели место быть в прошлом. В еще не отфильтрованных временах событиях сложнее уловить общую тенденцию и перейти на уровень философского обобщения, что требуется для хорошей статьи. Это примерно то же самое, что писать о будущем, так как необходимо предугадать, что имеется в настоящем времени, что важно и интересно, следовательно, будет иметь продолжение и развитие. Но можно попытаться рассмотреть отдельное явление, в котором, как в капле воды, отражающей мир, может быть, и отразится существенное, действительно значимое явление.

ВАЛЕРИЙ КОЧНЕВ. КРАТКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Широко известный в определенных кругах деятель местной альтернативной культуры. Родился в 1964 г. в г. Тюмени.

Человек чрезвычайно общительный, разговаривает непрерывно, даже если никто его не слушает, так что по улицам ходить рядом с ним зачастую бывает слож-